

Гу Миньюй не заметил Цзи Линьюаня, так как в тот момент витал в облаках. Хотя их взгляды и встретились, это не оставило в его сознании никакого следа. Мать в итоге выбрала химиотерапию, поскольку операция была слишком рискованной, и врачи не рекомендовали её. Отец хотел перевести её в больницу в Пекине, чтобы получить лучшее лечение, но мать была против.

— Зачем ради моей болезни разрушать всю семью? Я уже смирилась. Если сделать операцию, может случиться так, что я не выйду из больницы. А так я смогу прожить ещё год или два, — сказала она.

Ху Чжэнь, казалось, действительно смирилась с судьбой. Она больше не испытывала прежнего страха, и, несмотря на слабость, её речь была медленной, но мягкой и доброжелательной. Она позвала Гу Миньюя и долго с ним беседовала.

— Я знаю, что ты на самом деле не хочешь поступать в Пекинский университет. Ты хочешь заниматься живописью, верно? — сказала мать.

Гу Миньюй всегда думал, что хорошо скрывает свои желания, но оказалось, что мать всё видела. Он был одним из лучших учеников школы, и после перехода во второй класс старшей школы учителя начали усиленно заниматься с ним. Даже во время его болезни они ежедневно звонили, чтобы объяснять материал, убеждая, что только поступление в Цинхуа или Пекинский университет может доказать его исключительность. Хотя Гу Миньюй не поддавался их давлению, он всё же чувствовал огромный груз ответственности.

После возвращения из больницы он совсем потерял интерес к учёбе, чувствуя, что не может найти своё предназначение.

Именно Ху Чжэнь посоветовала ему следовать своему сердцу, и Гу Миньюй решил перевестись в художественный класс. Гу Хуайли, его отец, хотя и был удивлён, не стал возражать. Гу Миньюй почти без усилий убедил его, но вот учителя и руководство школы устроили настоящую атаку.

Он понимал их: за каждого ученика, поступившего в Цинхуа или Пекинский университет, провинциальное управление образования награждало школу суммой в сто тысяч юаней. После вычета премий ученикам и учителям, школа получала минимум тридцать-сорок тысяч, а также повышала свой престиж — каждый год после экзаменов по всему уезду развешивали баннеры с именами выпускников Первой средней школы, поступивших в эти университеты.

Но понимание не означало подчинения. Гу Миньюй не собирался жить ради чужих интересов или мечтаний.

Мечта всегда должна быть своей.

Итак, Гу Миньюй отправился в Чунцин. У него был целый семестр на подготовку в

художественной школе перед вступительными экзаменами в художественный институт. После успешной сдачи он планировал вернуться и сосредоточиться на подготовке к гаокао в июне.

Выбор Чунцина был прост: Гу Миньюй любил острую пищу.

Сойдя с поезда, он получил звонок — Гу Хуайли купил ему новый мобильный телефон.

— Ты уверен, что мне не нужно тебя встретить? — спросил отец.

— Нет, — ответил Гу Миньюй, слегка сжав губы. — Подожди меня снаружи, я ничего особенного с собой не взял.

У него был только небольшой рюкзак с зонтом, термосом и сменной одеждой. На вокзале было много людей, и, повесив трубку, он засунул руку в карман, чтобы не потерять телефон.

Цзи Линьюань находился в нескольких метрах позади него, нагруженный сумками, ведром и термосом, а на спине нёс одеяло.

Благодаря своему росту он быстро заметил Гу Миньюя и, улыбнувшись, начал пробираться к нему сквозь толпу. Однако из-за обилия вещей он то и дело задевал людей, вынужден был извиняться, и, когда наконец догнал Гу Миньюя, они уже вышли на площадь.

Подойдя ближе, Цзи Линьюань начал сомневаться. Он узнал о Гу Миньюе, его происхождении и холодном характере, и подумал, что тот, скорее всего, даже не обратит на него внимания — он даже забыл, что Гу Миньюй должен ему триста юаней.

Несколько раз мысленно собравшись с духом, он уже готов был окликнуть Гу Миньюя, как вдруг тот прошёл через площадь, и после резкого звука тормозов перед ним остановился роскошный автомобиль.

Цзи Линьюань не знал цену машины, но по восхищённым и завистливым взглядам окружающих понял, что она стоит немалых денег.

Гу Миньюй сел в машину, и, пристёгиваясь, заметил, как водитель сурово смотрит в его сторону.

— Что? — обернувшись, он увидел лишь высокого мужчину, увешанного вещами, похожего на рабочего.

— Ничего, — улыбнулся Гуань Цзин, доставая сигарету из пачки и зажимая её между пальцами. — Просто я рад, что наконец увидел тебя.

Гу Миньюй приподнял бровь, остановившись с пристёгиванием ремня.

— Если ты собираешься курить, я выйду и поеду на такси.

Гуань Цзин на мгновение замер, глядя на его холодное выражение лица, затем засунул сигарету за ухо и завёл машину.

— Боюсь тебя, мой господин!

Машина рванула вперёд с огромной скоростью, и Гу Миньюй добавил:

— Ты превышаешь скорость.

Гуань Цзин сделал вид, что не слышит, и продолжал ехать с той же скоростью, лишь через несколько минут украдкой взглянув на Гу Миньюя.

Юноша сжал губы и спокойно смотрел вперёд, не выражая ни злости, ни радости.

Гуань Цзин невольно сбавил скорость.

— Ты пробудешь в Чунцине несколько месяцев? Остановись у меня, я буду тебя каждый день возить.

Гу Миньюй повернулся, серьёзно глядя на него.

Через несколько минут Гуань Цзин не выдержал и сунул сигарету в рот, яростно её жуя. Он ругал себя за то, что, пройдя через столько трудностей, теперь нервничает из-за подростка, но в то же время чувствовал, как внутри него разгорается огонь, заставляя всё тело зудеть.

Гу Миньюй отвернулся, глядя на уникальную архитектуру горного города, и уголки его губ медленно поднялись в улыбке.

Машина остановилась у входа в отель. Гуань Цзин обошёл машину и открыл дверь для Гу Миньюя. Температура в Чунцине была ниже, чем в его родном городе, и Гу Миньюй накинул куртку поверх рубашки. Его не впечатлила услужливость Гуань Цзина, и, выходя из машины, он вежливо и естественно поблагодарил, словно перед ним был просто швейцар отеля.

Он слегка приподнял подбородок, глядя на вывеску отеля. Ещё не наступил вечер, но в момент их прибытия зажглись золотые огни, делая вывеску ослепительно великолепной.

— «Золотое великолепие» — неплохое название, — спокойно сказал Гу Миньюй, следуя за

менеджером в отель, и, обернувшись к Гуань Цзину, добавил:

— Как ты придумал это название?

— Откуда ты знаешь, что это я его придумал? И... я, кажется, не говорил, что это мой отель, — улыбнулся Гуань Цзин, ведя его внутрь. Его интерес к этому юноше рос с каждой минутой.

— Включать свет днём, да ещё в момент нашего прибытия — это либо для встречи владельца, либо случайность. Я не могу представить, чтобы какой-то отель был настолько глуп, — вдруг рассмеялся Гу Миньюй, его глаза сверкали, как звёзды.

Стиль отеля соответствовал названию — весь холл был ослепительно ярким и роскошным.

— А что касается того, как я узнал, что это ты придумал название... Позволь мне пока сохранить интригу, ладно? — стоя перед рядом сотрудников отеля, встречающих их, Гу Миньюй не смущался. Он кивнул им, и уголки его губ изогнулись в озорной улыбке, словно он был привычным посетителем таких мест. Хотя на самом деле Гу Миньюй был из маленького провинциального городка, который даже не дотягивал до статуса уездного города, и отец редко брал его на официальные мероприятия.

Гуань Цзин понимал, что некоторые вещи были врождёнными, и они превосходили всё, что можно было воспитать. Особенно для таких, как он.

Гуань Цзин был в восторге, забыв о том, как Гу Миньюй отвернулся от него в машине. Он радостно засмеялся:

— Как скажешь, я всё сделаю, как ты захочешь.

Но в его глазах читалось что-то необычное.

Напротив отеля остановился старый такси. Водитель, говорящий на смеси сычуаньского диалекта и путунхуа, сказал пассажиру:

— Малыш, ты уверен, что не нужно вызывать полицию?

Отель был большим. На первом этаже располагались приёмная и спа-зона, на втором — банкетный зал, а на третьем — роскошные приватные комнаты. Выше были гостиничные номера. Гуань Цзин повёл Гу Миньюя на третий этаж, где их встретил менеджер отеля.